

УДК 342.5

## ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ КАК КОНЦЕНТРИРОВАННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ВОЛИ И СИЛЫ ГОСУДАРСТВА

*Г.М. Онланбекова*

Проведен анализ общетеоретических и методологических основ содержания государственной власти, выявлены ее общие признаки и свойства, отличные от других видов социальной власти, показана роль государственной власти как концентрированного выражения воли и силы государства.

*Ключевые слова:* государственная власть; публичная власть; взаимосвязь государства и государственной власти; государственное регулирование; способ управления обществом; аппарат принуждения; воля и сила государства.

---

## POLITICAL AUTHORITY AS CONCENTRATED EXPRESSION OF WILL AND POWER OF THE STATE

*G.M. Onlanbekova*

The given article shows common theoretical and methodological bases which depicts the essence of State authorities, in which energies common characteristics different from other kinds of social power. The role of government is shown as concentrated activities of will and power of the State.

*Key words:* political authority; public authority; correlation between state and political authority; state regulation; the way of controlling society; enforcement machinery; will and power of the state.

Исследование природы судебной власти и органов прокуратуры невозможно без соответствующего анализа общетеоретических и методологических основ содержания государственной власти в целом, выявления ее общих признаков и свойств, отличных от других видов социальной власти. В политической и юридической литературе справедливо отмечалось, что «следует признать отсутствие междисциплинарного диалога в рамках исследования государственной власти, ее институционально-нормативных, структурно-функциональных, формальных и неформальных форм организации и функционирования. Сегодня можно констатировать значительный дефицит анализа и понимания природы, наиболее общих параметров (изменений) государственности» [1], что приводит к разному пониманию феномена государственной власти. Одни авторы акцентируют внимание на понимании государственной власти как разновидности власти в смысле общесоциальной категории. Поэтому «для определения государственной власти, прежде всего, устанавливаются общие черты, которые характеризуют как государствен-

ную власть, так и иные виды социальной власти. В этом контексте власть раскрывается и как функция по управлению, и в качестве отношения между ее субъектом и объектом, и как некое полномочие, и в виде системы органов» [2, с. 9].

Другие исследователи, не видя возможности дать интеграционное определение понятию государственной власти, подчеркивают, что «центральной категорией государственной власти является категория подчинения. В разных концепциях она носит разные наименования: категория господства в силовой концепции, подавление или «присвоение чужой воли» в волевой трактовке, элемент субординации в функциональном подходе и т. д. Несмотря на разное звучание, смысл категории подчинения остается неизменным: одна сторона властного отношения подчиняет себе другую [3, с. 45]. Интересным представляется и подход в определении государственной власти, основанный на интерпретации идейно-концептуальных и социокультурных основ государственной власти в контексте национального политико-правового порядка: «Государственная власть как вид публичной власти

представляет собой систему официально признанных (легитимных и легальных) властных практик, процедур и институтов, действующих на основе социокультурно обусловленных идей, образов, символов в определенном политически и территориально организованном пространстве и характеризующуюся суверенностью, функциональностью и устойчивостью» [4, с. 14]. Анализируя феномен государственной власти, необходимо, прежде всего, раскрыть понятие социальной власти и государства, поскольку соотношение государственной власти и государства можно установить с учетом того, что понимается под государством и какова причина его происхождения.

Взаимосвязь государства и государственной власти, где последняя рассматривается в качестве основной характеристики государства, хорошо была освещена немецкой школой государствоведения в лице Г. Еллинека, который представил трехчленную систему государства, выделив три его элемента: государственную территорию, население (народ) и государственную власть [5, с. 90]. Развивая учение о взаимосвязи между элементами вышеуказанной системы, российский ученый Л. Мамут подчеркивал, что публичная (государственная) власть имеет двойную объективацию (двоющим образом предмечивается). С одной стороны, она объективируется в людях, во всех людях, составляющих государственно организованное общество; это их деятельностью, практической энергией актуализируется и реализуется публичная (государственная) власть как социальная функция. С другой стороны, она объективируется в сети структур государственно-властных отношений, институтов, норм, процедур, ролей и т. д.; эти структуры воспроизводятся и видоизменяются человеческой деятельностью, но вместе с тем они же обеспечивают и направляют ее. Оба момента объективации государственной власти абсолютно обязательно предполагают друг друга. Не бывает деятельности членов государственно организованного общества, так или иначе не опосредствованной сетью структур публично-властных связей и установлений. Точно так же данные связи и установления не могут возникнуть и существовать вне и помимо этой деятельности [6, с. 190]. Действительно, именно особая деятельность членов социально организованного общества, связанная с переходом родоплеменного общества от присваивающей экономики к производящей, стала опосредствоваться сетью структур государственно-властных связей и установлений, которую можно обозначить как деятельность государственной власти. Рассмотрим указанный процесс перехода первобытного общества к производящей экономике и появлению государственной власти.

Задолго до возникновения государства и государственной власти ранние формы объединения предков современного человека были связаны с неупорядоченными семейно-родовыми связями, необходимостью защиты от внешней природной среды и совместного добывания пищи. Только спустя многие тысячелетия основой организации первобытного общества стала родовая община, которая была наиболее естественной формой связи между предками и потомками первобытного человека, имела важное значение для развития первобытного производства, базировавшегося на присваивающей экономике. В ее основе был примитивный ручной труд.

Родовая община представляла собой объединение людей на основе кровного родства, совместного коллективного труда, общей собственности на орудия труда и продукты производства. Общая собственность и социальное единство внутри родовой общины порождали и соответствующие им формы организации общественной власти и управления. В этом обществе существовала строго фиксированная система половозрастного разделения труда, распределения пищи, брачно-семейных отношений. Такая организация знала и властные институты: *власть предводителя*, совета старейшин. Причем существовала выборность, сменяемость вождей, предводителей, совета старейшин. Форма власти, в отличие от *государственной власти*, заключалась в том, что она исходила не от специального, выделенного из общества, аппарата, а от всего рода [7]. Поэтому общественную власть при родовом строе следует отмечать как первобытную общинную демократию, не знавшую ни каких-либо имущественных, сословных, кастовых или классовых различий, ни государственно-политических форм. В управлении участвовали все взрослые члены рода – как мужчины, так и женщины. Наиболее важные вопросы, касающиеся всего рода, решались общим собранием его членов. Власть старейшин и вождей базировалась исключительно на авторитете, глубоком уважении старших членов рода, их опыте, мудрости, ловкости и храбрости охотников и воинов. Род давал своим членам защиту от внешних врагов как военной силой, так и глубоко укоренившимся обычаем кровной мести за сородича. Все эти функции общественной власти не требовали существования особого аппарата управления, выделенного из общества. Не было и особого аппарата принуждения, ведения войн. Вооруженную силу составляли все мужчины, способные носить оружие [8]. Ф. Энгельс, исследуя вопросы происхождения семьи, частной собственности и государства, отмечал, что в родовой общине «без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или

судей, без тюрем, без судебных процессов – все идет своим установленным порядком. Всякие споры и распри разрешаются сообща теми, кого они касаются, – родом или племенем, или отдельными родами между собой; лишь как самое крайнее, редко применяемое средство грозит кровная месть, и наша смертная казнь является только ее цивилизованной формой, которой присущи как положительные, так и отрицательные стороны цивилизации. Хотя общих дел гораздо больше, чем в настоящее время, – домашнее хозяйство ведется рядом семейств сообща и на коммунистических началах, земля является собственностью всего племени, только мелкие огороды предоставлены во временное пользование отдельным хозяйствам, – тем не менее нет и следа нашего раздутого и сложного аппарата управления. Все вопросы решают сами заинтересованные лица, и в большинстве случаев вековой *обычай* уже все урегулировал» [9, с. 339]. Правила поведения, выраженные в *обычаях*, длительное время восходили к самоорганизации, иным самопроизвольным процессам – вот главное, что характеризует в целом взаимодействие человека и природы в присваивающей экономике на протяжении многих тысячелетий. Вместе с тем широкое распространение и использование приобретают в таких обществах и регулятивные начала, формировавшиеся в ходе самоорганизации человека. Это правила смягчения агрессивных столкновений между группами, организации семейно-брачных отношений, закрепления половозрастного деления, взаимопомощи, организации совместных работ, рыболовного промысла, распределения пищи, санитарно-гигиенические правила, нормы функционирования органов управления в родовом обществе, процедуры разрешения споров и т. д. Эти регулятивные начала осуществляются в разных формах, но суть их одна: они были направлены на поддержание присваивающих экономик, на гармоничное существование человека в природной среде, на его воспроизводство как человеческого вида [10]. Правила поведения не были первоначально результатом специальной нормотворческой деятельности. Правила поведения формировались как реальный исторический процесс и через способность человека к абстрагированию обобщались и формулировались в нормы, уже упорядочившие его жизнедеятельность. Образование норм в процессе повторяющихся ситуаций позволяет назвать нормы этого времени ситуативными, регулирующими поведение в зависимости от ситуации. Они дополняются выработанными стереотипами поведения и путем многократных повторений нормы, регулирующей повседневные отношения, закрепляются и накапливаются, обретают определенные

общие черты, что позволяет охарактеризовать их как мононормы, соединявшие в себе особенности всякой поведенческой нормы: моральной, религиозной, этической, ритуальной и т. д. Поддержание и реализация мононорм обеспечивались через религиозные и мистические представления первобытных людей, поскольку правила общежития включали в себя непререкаемые запреты, ритуальные действия, а также устоявшиеся мифы, создающие образцы для подражания. Соблюдение данных правил поведения в период присваивающей экономики перерастало в прочную привычку, становилось органической потребностью каждого члена рода. Следовательно, именно в родовую эпоху уходит корнями длительный процесс вызревания правовых институтов и *государственной власти*, поскольку в ту далекую эпоху складываются зачатки государственного и правового общественных отношений: социальность, коллективность, обязательность, выборность, образность (символичность), наказуемость и др. Появлению государства и государственной власти способствовало множество факторов, среди которых большую роль сыграли и природные катаклизмы, угрожавшие существованию человечества как биологического вида. Произошли неблагоприятные изменения климата, началось вымирание мегафауны, бывшей в некоторых районах основным источником питания человека. Человечество ответило на эти кризисные явления переходом к новому способу существования и воспроизводства – к производящей экономике, произошла неолитическая революция [11, с. 24].

Производящая экономика требовала новых подходов к организации производства и управлению обществом, старые родоплеменные формы организации и мононормы уже не могли справиться с усложнявшимися общественными отношениями: появление коллективной, групповой и частной собственности, расслоение общества, необходимость в распределении прибавочного продукта, хозяйственные споры и т. д. способствовали появлению уже иной формы организации человеческого общества – государства, выделению из мононорм особого вида социальных норм – правовых.

Таким образом, государство, как новая организационная форма жизни общества, возникает объективно, в итоге неолитической революции, перехода человечества к производящей экономике, т. е. в процессе изменения материальных условий жизни общества, становления новых организационно-трудовых форм этой жизни. Это одна из главных причин возникновения государства. Однако появлению государства и права способствовали и многие другие факторы, которые ускоряли процесс государство- и правообразования.

Если государство определить как *единую политическую организацию общества, которая распространяет свою власть на всю территорию страны и ее население, располагает для этого специальным аппаратом управления, издает обязательные для всех веления и обладает суверенитетом* [12, с. 67], то в каком соотношении к нему будет выступать государственная власть? С.С. Алексеев в связи с этим вопросом отмечал, что проблема соотношения государственной власти и государства относится к числу мало исследованных. Государственная власть и государство находятся в сложном диалектическом единстве, а потому к вопросу о соотношении между ними можно подходить с разных точек зрения. Если под государством понимать политико-территориальную организационную форму общества, то государственная власть выступает важнейшим признаком государства, корни которого уходят глубоко в общество. Если под государством имеется в виду особым образом организованный механизм (аппарат) политической (государственной) власти, то они соотносятся как содержание и форма. Причем характер государственной власти определяет особенности государства, его механизма. Так, принадлежность власти эксплуататорскому меньшинству (властвующей олигархии), необходимость навязывать волю властвующего меньшинства подвластному большинству выдвигают в механизме государства на первый план принудительные, карательные органы. Напротив, в демократических странах государство, его органы служат обществу, а в механизме государства важнейшими становятся органы, осуществляющие общесоциальные функции. По общему правилу, властвующий субъект определяет, в каком объеме и в какой форме тот или иной орган государства будет выражать и проводить в жизнь его властную волю, устанавливает для государственных органов юридические пределы, в границах которых их деятельность признается правомерной. Вместе с тем государство, его органы в значительной мере определяют и эффективность этой власти. Иногда высшие органы государства приобретают чрезвычайную самостоятельность, возвышаются над обществом, огосударвляют его, но это удел диктаторских государств [13, с. 95].

Следовательно, государственная власть и государство не тождественные, а взаимодополняющие и вытекающие одно из другого понятия. Если государство – это политическая, территориальная, структурная форма организации общества, то *государственная власть* является способом управления обществом, атрибутивным признаком государства, имеющим социальную природу, что

выражается, во-первых, в том, что государственную власть осуществляют люди в качестве должностных лиц, органов, форм непосредственной демократии, деятельность которых направлена на конкретных людей в качестве граждан (поданных), лиц без гражданства, беженцев и др. Во-вторых, государственная власть непременно нуждается в поддержке определенных слоев, классов, групп (стратов), на которые она опирается в процессе осуществления государственной деятельности. В-третьих, уровень совершенства государственной власти зависит от степени развитости человеческого общества, его экономики, культуры в широком ее понимании, когда она рассматривается как достижения людей в области материальной и духовной жизни, а также географических, этнических, религиозных и иных факторов.

Важнейшей чертой государственной власти является ее политико-идеологическая природа, поскольку «существование государственной власти как таковой предполагает и идеологическое оформление этой власти, наличие ее официальной идеологизации, существование неких идеологем, исходящих от государства и его институтов. Способность государства действительно определять и регулировать происходящее в обществе, определяется его регулятивными потенциями – способностью мобилизовать материальные, финансовые, людские ресурсы, использовать этот потенциал в социально значимых целях, обеспечить наиболее существенные права и свободы своих граждан» [14, с. 7]. Эта способность обеспечивается тем фактором, что государственная власть является властью публичной, отделенной от общества, возвышающейся над ним и вместе с тем узурпирующей право выступать от его имени. Идеологическая же составляющая данной черты заключается в «способности государственной власти агрегировать общенациональные интересы и реализовывать их в своей практической политике, создавать для своих подданных некие ориентиры в окружающей их действительности. Поэтому идеология, наряду с правовыми нормами и санкциями, является необходимым средством реализации государственной власти по осуществлению определенной политики государства [14, с. 8].

Государственной власти особенно присуще нормативно-правовое содержание ее деятельности и структуры. Это означает, что реальность и легитимность государственной власти закрепляются в нормативно-правовых документах: нормативных правовых актах, конституционных и судебных прецедентах, правовых обычаях, нормативных договорах и др., которые предоставляют органам и должностным лицам государственной власти

систему политико-правовых полномочий и ответственностей. Компетентные государственные органы, в свою очередь, реализуют государственную власть посредством иерархической подчиненности, компетенции, предоставленной правовыми актами, и возможностью налагать юридическую ответственность за нарушение норм, установленных государственной властью.

Таким образом, «государственная власть есть концентрированное выражение воли и силы, мощи государства, воплощенное в государственных органах и учреждениях» [15, с. 35] через систему отношений руководства и подчинения, полномочия и ответственности.

#### Литература

1. *Мамычев А.Ю.* Государственная власть как правокультурный феномен: теоретико-методологические аспекты / А.Ю. Мамычев. URL: [http://www.rusnauka.com /24\\_NNP\\_2013/Pravo/1\\_143872.doc.htm](http://www.rusnauka.com /24_NNP_2013/Pravo/1_143872.doc.htm)
2. *Митин С.С.* Государственная власть: понятие и закономерности организации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.С. Митин. Красноярск, 2004. С. 9.
3. *Чечулина А.А.* Сущность государственной власти: основные подходы / А.А. Чечулина // Право и политика. 2005. № 10. С. 45.
4. *Мамычев А.Ю.* Государственная власть в политическом процессе современной России: теоретико-методологический аспект политической и социокультурной трансформации / А.Ю. Мамычев. М., 2013. С. 14.
5. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве / Г. Еллинек. СПб., 1903. С. 90.
6. *Мамут Л.* Государство как публично-властным образом организованный народ / Л. Мамут // Ежегодник российского права, 1999. М.: Норма, 2000. С. 190.
7. *Венгеров А.* Теория государства и права / А. Венгеров. URL: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Pravo/venger/01.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/venger/01.php)
8. Что такое первобытная община? URL: <http://www.historiar.ru/histos-822-2.html>
9. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв.: в 3 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. 339 с.
10. *Фролова А.* Формирование источников права как начальный этап развития правосознания и правовой культуры / А. Фролова // Relga. 2000. № 7 (37). URL: <http://www.relga.ru/Environment/WebObjects>
11. Теория государства и права. М.: Юрист, 1995. С. 24.
12. *Храпанюк В.Н.* Теория государства и права / В.Н. Храпанюк. М., 1996. С. 67.
13. *Алексеев С.С.* Теория государства и права. § 8 «Государственная власть и государство» / С.С. Алексеев. М., 1994. С. 95.
14. *Мацко С.В.* Государственная идеология и право современной России (Теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Мацко. Уфа, 2003. С. 7.
15. *Алексеев С.С.* Теория права / С.С. Алексеев. М., 1995. С. 35.